

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ. ИНКУБАТОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС Х.

18+

Алекс Хирш

Нулевой пациент. Инкубатор

«Автор»

2026

Хирш А.

Нулевой пациент. Инкубатор / А. Хирш — «Автор», 2026

Землетрясения в этих краях — огромная редкость. Но когда земля под уфимскими Шиханами всё же содрогнулась, она вскрыла не просто очередную карстовую пустоту. Она обнажила пещеру, которая существовала здесь дольше, чем бегали по этой земле первые люди. В ней, в абсолютной темноте и холоде, спало нечто. Спало так давно, что даже камень вокруг него устал ждать. Военный врач Михаил Громов привык верить фактам, а не предчувствиям. Но факты, которые ему показывают в секретной лаборатории, не желают укладываться в привычную картину мира. Почти человеческое тело. Чудовищно искажённые пропорции. И токсин в его крови, способный переписать саму суть живого существа. Это не мутация. Это не болезнь. Это нечто, чему пока нет названия.

© Хирш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Аномалия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алекс Хирш

Нулевой пациент. Инкубатор

Глава 1 Аномалия

Солнце стояло высоко, заливая бетонку плаца и серые борта модульных построек. С севера наплывали редкие облака — белые, почти неподвижные, разбавленные летней дымкой. Термометр на внешней стене КПП показывал двадцать семь градусов. Ветра почти не было. Объект «Шихан» жил обычной дневной жизнью. на вышке лениво переговаривались часовые, на ремонтном дворе тарахтел движок «Урала», со стороны стрельбища доносились сухие хлопки одиночных выстрелов.

База располагалась на плоской возвышенности, окружённой низким редколесьем. С севера к ней жались Шиханы — известняковые горы-одиночки, поросшие травой и мелким кустарником. Периметр — два ряда сетчатого забора с колючей проволокой по верху и бетонными столбами. Между рядами — контрольно-следовая полоса. Въезд — через КПП с двумя шлагбаумами и железобетонными блоками, выстроенными так, чтобы никакая машина не проскочила на скорости. Над воротами — камера, на крыше дежурки — антенна радиорелейной связи. Внутри периметра база делилась на три зоны: административно-жилую, техническую и лабораторный блок. Последний стоял особняком, обнесённый собственным забором с усиленной охраной и герметичными воротами. Там же, в глубине, находился блок БСЛ-3 — биологической безопасности третьего уровня, способный изолировать от внешней среды всё, что угодно, от сибирской язвы до неизвестного вируса, мутировавшего где-нибудь в африканской саванне.

Подполковник медицинской службы Михаил Громов сидел в своём кабинете — небольшой комнате при гарнизонной медчасти, заставленной стеллажами с историями болезней и металлическим шкафом для препаратов. Медчасть — отдельное крыло в здании штаба, с собственным входом с улицы, приёмным покоем на две каталки, перевязочной и стационаром на восемь коек. Кабинет Громова — бывшая кладовая, переделанная под рабочее помещение: стены выкрашены белой краской, местами облупившейся, на полу — линолеум, на окне — решётка и плотные жалюзи, которые он никогда не опускал: свет, даже искусственный, был нужнее, чем полумрак. На столе — стопка бумаг: отчёты по диспансеризации личного состава, заявки на пополнение аптек, справки о допуске к несению караула. Заполнял он их уже второй час, машинально отмечая графы и сверяя фамилии. Ручка скрипела. Где-то в приёмном покое негромко переговаривались санитары.

Громову было сорок. Он выглядел ровно на свой возраст: среднего роста, сухой, жилистый, с коротко стриженными русыми волосами, уже тронутыми сединой на висках, и серыми глазами, которые не выражали ничего лишнего. Шесть лет назад он вернулся из Сирии, где провёл две ротации в медицинской группе особого назначения. Там он привык, что любая ошибка карается не выговором, а кровью — чужой или, что хуже, своей. Там он перестал удивляться человеческой хрупкости и начал ценить скорость принятия решений. После возвращения перевёлся на «Шихан», подальше от горячих точек, поближе к семье. База считалась спокойной, почти тыловой. Громов не возражал.

Дверь без стука приоткрылась. На пороге возник старший прапорщик Хабибуллин — позывной «Зенит», замкомвзвода охраны. Коренастый, с мощной шеей и спокойным, чуть сонным лицом. В свои тридцать пять он выглядел как человек, который давно перестал суетиться по пустякам.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Заходи, Рамиль. Что там у тебя?

Зенит прикрыл дверь, шагнул к столу, приложил ладонь к виску:

— Голова третий день, товарищ подполковник. Не мигрень, а давит — вот здесь, — показал на затылок. — И шея деревянная. Спать мешает.

— Садись. Давление давно мерил?

— Неделью назад. Сто тридцать на восемьдесят было.

Громов достал из шкафа тонометр, кивнул на стул:

— Посмотрим сейчас. Руку на стол.

Хабибуллин сел, закатал рукав. Рука была тяжёлая, с рельефными мышцами предплечья и старым, выцветшим шрамом у локтя. Громов обернул манжету вокруг бицепса, плотно, но не туго, накачал воздух. Секунду слушал, глядя на стрелку. Спустил. Снял:

— Сто сорок на девяносто. Для твоей комплекции верхняя граница нормы. Но если каждый день так, то уже тенденция. Глаза не ломит?

— Нет.

— Тошнота?

— Без.

— Спина не болит? Поясница?

Зенит чуть подумал.

— Не то чтобы болит. Тянет иногда. Но я ж не в кабинете сижу — охрана, караулы, плац, то одно, то другое. Может, мышечное.

Громов опустил стетоскоп, вернулся к шкафу:

— Шею давно проверял? Остеохондроз?

Хабибуллин пожал плечами:

— Давно. Я вообще редко болею.

— Все так говорят. Ладно. Сейчас дам цитрамон, снимет симптом. Но если через пару дней не отпустит — придёшь, сделаем ЭКГ и, возможно, рентген шейного отдела. Ты мне нужен живой, а не с инсультом.

— Понял, — Зенит взял таблетку, запил из стакана, стоявшего на краю стола, кивнул и вышел так же бесшумно, как вошёл.

Громов снова сел. Взял ручку.

Мысли текли ровно, ни за что не цепляясь. Он подумал о жене — Марина, наверное, сейчас дома, разбирает вещи после утренней уборки. Потом представил сына: Алёша в это время обычно на тренировке, в зале, в перчатках. Кикбоксинг. Удары по груше, резкие выдохи, мокрые волосы, прилипшие ко лбу. Громов учил его не просто бить — держать удар, дышать, думать в бою, а не после. Пока получалось. Марина ворчала, что он слишком давит на парня, но ворчала без злости — она понимала, зачем. Он и сам до конца не формулировал, но где-то внутри ощущал: мальчику может пригодиться. Мир вокруг не становился безопаснее — ни большой, ни тот, что за забором части.

Он прервался, отложил ручку. Потянулся к телефону на столе — стационарный аппарат с коротким внутренним номером. Набрал по памяти городской. Гудок. Второй. Третий. Щелчок.

— Аллю? — голос Марины был чуть запыхавшийся, видимо, взяла трубку не сразу.

— Это я. Как у вас?

— Всё нормально. Полы домыла, теперь обед ставлю. Ты когда будешь?

— Не знаю пока. Сегодня бумаг много. Как Алёша?

— На тренировке. Вернётся к шести. Ты опять забыл, какой день? Сегодня спарринг у него.

— Точно. Забыл. Ладно, я постараюсь к его возвращению.

— Постарайся. Он ждёт, когда ты на его бой придёшь. Уже который раз пропускаешь.

— Сказал, постараюсь. Всё, давай, у меня тут

— Хорошо. Не сильно там себя загоняй. И пообедай.

— Ага, — он положил трубку.

Секунду смотрел на аппарат. Потом снова взял ручку. Спарринг Он действительно забыл. В голове крутились другие вещи, рутинные, служебные.

Он перевернул страницу ведомости. Ручка дописала строку.

И в этот момент пол ушёл из-под ног.

Не «дрогнул». Именно ушёл — коротким, резким вертикальным толчком, похожим на удар снизу огромным молотом. Стекло дверцы шкафа лязгнуло так, что одна из склянок соскользнула с полки и разбилась об пол. С рабочего стола съехала стопка бумаг, ручка покатилась к краю. Громов инстинктивно упёрся ладонями в столешницу. В ушах — звон. Где-то в здании охнули, потом закричали.

Тишина. Две секунды.

Второй толчок — сильнее, с характерным низким гулом, который шёл не по воздуху, а сквозь бетон, через кости, в грудную клетку. Загудели оконные стёкла. В коридоре что-то упало и разбилось — судя по звуку, большой стеклянный шкаф. Завыла сирена общей тревоги. Завыла и захлебнулась, потом включилась снова — уже ритмично, с перерывами.

Громов уже был на ногах. Подошвы ощущали вибрацию пола — не такую сильную, как при первом ударе, но достаточную, чтобы понять: там, внизу, что-то происходит.

Землетрясение. Для Уфы — редкость, но не аномалия. Карстовые пустоты, старые разломы — всё это могло дать о себе знать. Но такое вертикальное биение, резкое и короткое, говорило о том, что эпицентр близко, и что это не просто подвижка плиты.

Он вышел из кабинета быстрым шагом, на ходу накидывая халат. В приёмном покое санитары уже поднимали упавшую каталку. Кто-то из молодых контрактников стоял, прижавшись к стене, бледный, с расширенными зрачками.

— Отставить панику! — голос Громова щёлкнул как выстрел. — Занять места по тревоге. Ждать поступления. Визуальный осмотр помещения — что упало, где повреждения. Доложить через три минуты.

Санитары зашевелились быстрее.

Третьего толчка не последовало. Земля успокоилась так же внезапно, как взбесилась. Но тишина, наступившая после сирены, была уже другой — напряжённой, звенящей.

Громов выглянул в окно. Плац заполнялся людьми. Выбегали из казарм, строились. От КПП к штабу бежал посыльный. Над административным зданием поднимался лёгкий дымок — не пожар, возможно, коротнуло проводку.

Через десять минут начали поступать первые пострадавшие.

Их везли из казарм, со складов, из гаража. В основном — порезы от разбитых стёкол, ушибы от упавших стеллажей. Молодого водителя привёл товарищ — лицо в крови, рассечена бровь, на скуле наливалась гематома. Одного сержанта принесли на руках — приложило балкой по ноге, когда он стоял в ремонтном боксе. Закрытый перелом голени со смещением — Громов определил по характерной деформации и нарастающему отёку.

Работал быстро, без лишних движений. Сначала — сортировка, как учили. Кого сразу на перевязку, кого в стационар, кого — просто сидеть и ждать. Водителя усадили на стул, Громов промыл рану хлоргексидином, осмотрел края: рваная, но неглубокая, глаз не задёт. Местная анестезия — лидокаин. Три шва. Повязка. Водитель матерился сквозь зубы, но терпел.

Сержанту с переломом повезло меньше: боль была такая, что он побледнел до синевы, на лбу выступил холодный пот.

— Шину, — бросил Громов санитару. — И две ампулы промедола. Внутримышечно.

Пока санитар набирал препараты, он аккуратно, без лишнего давления ощупал голень, проверяя состояние сосудов. Стопа тёплая, пульс прощупывается — значит, артерия цела. Уже

легче. Наложил иммобилизационную шину от пятки до бедра, зафиксировал бинтами. Сержант скрипел зубами, но держался.

— Всё, теперь в стационар, — Громов выпрямился, стянул перчатки. — Скажи там, пусть за тобой понаблюдают. Если онемение или холод в пальцах — сразу кричать.

Сержант кивнул, не в силах говорить.

Пока зашивал рассечённое предплечье ещё одному бойцу, успел перекинуться парой фраз с заглянувшим в медчасть начштаба — тот прошёл мимо, бросил на ходу: «Эпицентр где-то в районе Шиханов». Громов кивнул, не прерывая работу.

Когда последнего пострадавшего перевели в палату и в медчасти наступила относительная тишина, за ним прибежал посыльный. Запыхавшийся, в расстёгнутой полевой форме:

— Товарищ подполковник, вас в штаб. Срочно.

Громов вытер руки, снял перчатки, натянул китель. Вышел.

Штаб располагался в отдельном здании в центре базы — массивная двухэтажная коробка с узкими окнами и антеннами на крыше. Внутри пахло табаком и разогретым железом. В кабинете начальника базы уже собрались: полковник Иванцов, начштаба майор Савельев и двое гражданских из лабораторного крыла, которых Громов знал лишь по фамилиям — Петренко и Садыков. Оба — биологи, оба работали в БСЛ-3, оба сейчас выглядели не просто встревоженными, а скорее растерянными. Один из них держал в руках планшет, нервно постукивая пальцем по чехлу.

— Заходи, Михаил, — полковник кивнул на свободный стул. — Тут такое дело

Докладывал начштаба. Сухо, по пунктам. Сейсмический толчок оказался не просто движением плиты. В районе Шиханов, в семи километрах от базы, вскрылась подземная полость. Не карстовая пещера — что-то глубже. Трещина уходила метров на тридцать вниз и расширялась в камеру, которую не брал ни один из сейсмографов до последнего момента. Разведывательная группа, отправленная к месту сразу после первых толчков, доложила о находке.

— Какой находке? — спросил Громов, хотя холодок уже пополз откуда-то из-под лопаток. Не страх. Предзнаменование. Так бывало в Сирии за минуту до того, как на точку прилетало что-то тяжёлое.

Савельев переглянулся с полковником.

— Биологический объект, — сказал он. — В полости. В анабиозе, как они говорят.

— Живой? — уточнил Громов.

— Пока не знаем. Сейчас транспортируют сюда. Приказано разместить в БСЛ-3.

— Кто приказал?

— Из-за периметра, — вмешался Иванцов. — Москва, через округ. Шифрограммой.

Громов медленно кивнул. Вопросов больше задавать не стал — по лицам было видно, что ответов у них нет.

Через сорок минут, получив разрешение от штаба, он стоял у восточного КПП вместе с группой солдат и наблюдал за въезжающим конвоем.

Два «Тигра» с включёнными проблесковыми маячками. За ними — армейский «КамАЗ» с крытым кузовом. Машины остановились у лабораторного блока. Из кабины выпрыгнули бойцы, начали откидывать тент.

И тогда он увидел это.

Существо несли на специальных носилках — усиленных, с фиксаторами по всей длине тулов. Металлические дуги охватывали тело в четырёх местах, лямки из прочного ремня не давали съехать. Несли четверо солдат, явно подобранные по комплекции, и было видно, что даже для них ноша тяжела. Громов оценил длину: метра два с половиной, может, чуть больше. Масса — под сто килограммов, не меньше.

Оно было покрыто серой, чуть влажной на вид шкурой без явной шерсти или чешуи. Под светом ламп досмотра шкура отливала матовым блеском, как у глубоководной рыбы. Внешне

существо напоминало человекоподобную фигуру, но с чудовищно искажёнными пропорциями. Верхние конечности — длиннее человеческих, с дополнительным суставом между плечом и локтем, что давало им неестественный угол сгиба. Кисти заканчивались пальцами с матовыми чёрными когтями, не втяжными, а постоянно выпущенными, загнутыми внутрь. Нижние конечности были короче, но мощнее, с утолщёнными бёдрами и стопами, отдалённо напоминающими человеческие, но с удлинёнными пальцами и когтями чуть меньшего размера.

Грудная клетка — не выпуклая, а скорее вогнутая, словно сдавленная неизвестной силой, с проступающими под кожей рёбрами, которые шли не поперёк, а под углом, диагонально. На спине, когда носилки наклонили при входе в шлюз, Громов заметил гребень — костяные пластины, выступающие из позвоночника, похожие на рудиментарные шипы. Кожа между ними была тоньше, отливала более тёмным, почти чёрным цветом.

Голова Вот что вызывало холод уже не под лопатками, а в пальцах.

Головы как таковой не было. Была разверстая пасть в форме пяти лепестков, сомкнутых сейчас в подобие бутона. Лепестки — плотные, мясистые у основания и твердеющие к краям, усаженные изнутри мелкими, загнутыми внутрь зубами, которые шли рядами, как у акулы. Ни глаз, ни ноздрей на привычных местах. По бокам от пасти — два костяных гребня, покрытых тонкой вибрирующей мембраной. Громов предположил, что это органы восприятия — звука, тепла или чего-то ещё, чего он пока не мог определить.

Существо не дышало. Или дышало так медленно, что не фиксировалось взглядом. Анабиоз? Или это вообще не дыхание в человеческом понимании?

Громов смотрел на него секунд пятнадцать. Мозг работал в режиме, который он сам для себя называл «боевым сканированием»: фиксировал детали, исключал эмоции, строил первичные выводы. Способ крепления конечностей: неестественный, но функциональный. Отсутствие внешних половых признаков: гермафродит, бесполое или просто скрытый тип размножения. Структура покровов: не кожа, не хитин — что-то среднее, предположительно плотная органическая броня. И запах — слабый, кисловатый, напоминающий старую воду из заброшенного колодца, с примесью чего-то химического, почти формальдегидного.

Носилки пронесли в шлюз БСЛ-3. Тяжёлая герметичная дверь закрылась с мягким шипением.

Громов остался стоять на месте. Солдаты расходились, переговариваясь вполголоса. Кто-то из молодых нервно хохотнул — дескать, ну и страхолюдина. Он не поддержал.

Эта тварь ему не нравилась.

Она была не просто чужой. Она была спроектированной. Слишком правильной для случайной эволюционной ветки. Слишком хищной. Каждая деталь в ней — от строения конечностей до отсутствия глаз — говорила о том, что она создана для охоты. Или для чего похуже.

Он развернулся и пошёл к медчасти. Нужно было проверить раненых и ещё раз подумать. Там, в глубине сознания, уже зрело решение: если завтра что-то пойдёт не так, он должен успеть первым. Должен успеть за своими. Потому что если эта тварь очнётся и то, что в ней сидит, вырвется наружу, никто на базе не поможет. Никто не успеет.

Он ускорил шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.